

Толстой Алексей Николаевич

Черная пятница

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Николаевич Т.**
Черная пятница / Толстой Алексей Николаевич – М.: Книга по Требованию,
2022. – 189 с.

ISBN 978-5-519-77037-8

Содержание: О читателе. Черная пятница. Парижские олеографии. Рукопись, найденная под кроватью. В снегах. Гидра. Тухлый дьявол. На острове Халки. Золотой мираж

ISBN 978-5-519-77037-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

человечество со всеми особенностями времени, задач, борьбы, национальности и пр.

Общение с таким призраком, возникшим в воображении художника, рождает искусство высшего порядка: от героической трагедии, до бурь романтизма и монументов реализма.

Величина искусства пропорциональна вместимости художественного духа, где возникает этот призрак.

Утверждение будто искусство возможно только для самого себя — противоестественная ложь.

Я вспоминаю какое место, лет десять тому назад, в литературной жизни занимал читатель.

Читатель, это был тот, кто покупает книги и читает.

Читатель, это бульон, в котором можно развести любую культуру литературных микробов.

Читатель — стадо, которое с октября в столице начинают обрабатывать литературным сезоном.

Веселое время — петербургский сезон.

Начинался он спорами за единственную, подлинную художественность того или иного литературного направления.

Страсти разгорались. Критика пожирала без остатка очередного, попавшего в просак, писателя. К рождеству обычно рождался новый гений. Вокруг него поднимался вихрь, ссоры, свалка, летела шерсть клоками.

Рычал львом знаменитый критик. Другой знаменитый критик рвал в клочки беллетриста. Щелкали зубами изо всех газетных подвалов. Пороли друг друга перьями. Заливали очи ядовитым чернилом.

В грозовой атмосфере модные писатели писали шедевры, швыряли их в общую свалку. Каждый хотел написать неслыханное, по особенному.

Шумели ротационные машины. Торговали книжные лавки. Девушки бросались с четвертых этажей, читавшись модных романов. Молодые люди принципиально переходили к однополрой любви. Выпивалось море вина и крепкого чая. Публика ломилась в рестораны, где можно было поглядеть на писателей. Колесом шел литературный сезон.

Иные, желая прославиться, мазали лицо углем, одевались чучелой и в публичном месте ругали публику сволочью. Это тоже называлось литературой.

Читатель веселился, на писателя поплевывал. Писатель веселился, на читателя поплевывал.

Разумеется, не в этом же одном была литература. Серьезная литература сердито отгораживалась от шума заветными бровями Льва Толстого. Художники силились проникнуть за вековую стену, — из жизни праздной и призрачной — в подлинное бытие России.

Но тут обнаруживался кризис читателя. Он был загадкой... „Он“, разумеется, был не тот, кто ходил в рестораны смотреть, как писатели едят столовое стекло. „Он“ был и не тот уже, кто, как священные тексты, читал толстые журналы.

Думаю, не было бы ошибкой сказать, что последний из писателей — Чехов знал, презрительно любил и носил в себе своего читателя:

„...Когда этот либерал, пообедав без сюртука, шел к себе в спальню и я увидел на его спине помочи, то так было понятно, что этот либерал — обыватель, безнадешный мешанин“...

После революции 1905 года лицо читателя сделалось совсем зыбким, расплывчатым. Приходится его начисто выдумывать.

Так, Леонид Андреев придумал себе читателя — крайне нервное, мистически-мрачно настроенное существо с увеличенными зрачками. Он, Андреев, шептал ему на ухо страхи и страсти.

Так, Иван Бунин представлял себе русского читателя брезгливым, разочарованным скептиком (из разорившихся помещиков), злобно ненавидящим расейские грязи и будни.

Писатели помельче недолго держались за суровые брови Льва Толстого. Все шумнее становился город, сильнее заманивал пленительными туманами, все выше огораживался от жизни стенами Фата Марганы.

Махнули рукой: все равно ничего за стенами не увидишь, Лев Толстой написал Каратаева, на этом и успокоился — там, за стеной все Каратаевы.

Сразу стало легко. В конце концов, не Каратаевы же книжки читают.

— Извозчик, скажи-ка, братец мой, читал ты Метерлинка?

— Чего?

Какой же это читатель! Народники, и те на нем зубы сломали. А вот, барышня спрашивает, — жить ей или кислотой отравиться?

Вот это читатель! Тут вопросы поставлены остро.

„Милая барышня, расточайте, расточайте жизнь, она пуста“.

Шумел, гремел литературный сезон. А у черты уже стояли война и революция, глядели в лицо кровавыми огненными глазами.

Седьмой год Республики. Налицо молодые писатели, критики, издательства, журналы. По крайней мере, — 10 литературных школ: конструктивисты, экспрессионисты, футуристы, неореалисты, просто реалисты, имажинисты, романтики и прочее. Группы — от Лефа до Телешевских сред. Залежи небывалого материала для искусства, не залежи, а — Гималаи.

И все же — литературный кризис. Рынок требует нового романа, театр новой пьесы. Их нет, они в зачатке. Но за то сколько споров: в чьих руках должна быть литература, — у левого фронта, у романтиков, у неореалистов, у бытовиков?..

Но я еще ни разу ни от кого не услышал ни слова о новом читателе. Новый неведомый читатель седьмого года Республики.

А он стоит у черты, глядит в лицо молодыми, смеющимися, жадными глазами.

Литература еще однопола. Второй полюс еще не восстановлен. Дуга магнитных токов еще не потекла от искусства к сердцу народа.

Не все ли равно, — левый фронт или бытовой, романтики или реалисты... Там разберут.

Подошло — взяли, и — ток ответный. А школы и направления, — все это кабинетная, однополая мозгология. Как можно возродить, примерно, романтизм, когда никто не хочет запахиваться в плащ на скале.

Но если чувствую, нахожу и создаю в себе этого идеального, насыщенного соками жизни, читателя и он кричит мне из-под романтической шляпы: „Дашь грозу и бурю!“. О, тогда ни споров, ни ссор... Могучим потоком хлынет творческая энергия.

Новый читатель, это — тот, кто почувствовал себя хозяином Земли и Города.

Тот, кто за последнее десятилетие прожил десять жизней.

Это тот, у кого воля и смелость — жить.

Это тот, кто растерял старые устои и ищет новых, в которых душа бы его стала стройной.

Это тот, кого обманула старая культура.

Это тот, кто не знает еще никакой культуры.

Этот новый, разнородный, но спаянный одной годиной десятилетия, оптимизмом возрождения из пепла, уверенностью в грядущем, этот новый читатель, который не покупает книг, потому что у него нет денег, — должен появиться стомиллионно-головым призраком в новой литературе, в тайнике каждого писателя и, возникнув, сказать:

„Ты хочешь перекинуть ко мне волшебную дугу искусства, — пиши:

честно,

ясно,

просто,

величаво.

Искусство, это моя радость“.

ЧЕРНАЯ ПЯТНИЦА

ПЕРВОЕ ПОЯВЛЕНИЕ

В семейном пансионе вдовы комерции советника, фрау Штуле, произошло незначительное на первый взгляд событие: за столом появился новый пансионер, — плотный, большого роста, громогласный человек.

Он шумно ел, выпил шесть полбутылок пива. Он хохотал, рассказывая племяннице фрау Штуле, фрейлейн Хильде, пресмешные „вици“, во рту у него блестели два ряда крепких зубов из чистого золота.

Он сообщил соседкам справа, Анне Осиповне Зайцевой и дочери ее Соне, — о последних парижских модах: — черный цвет, короткую юбку — долой, — носят только полосатое, черное с красным. (У Сони стало сползать платье, оголяя роскошное плечо, на котором она поминутно поправляла бретельки).

Он поговорил коротко и веско с соседом слева, Павлом Павловичем Убейко, полковником, о хороших делах с печатной бумагой.

Он налил две рюмочки ликеру „Кюрассо Канторовиц“ и выпил с напротив сидящим японцем Котомарой за самую твердую из валют — японскую иену. (Котомара открыл желтые, в беспорядке торчащие зубы и сощурился под круглыми очками).

Он обещался выпить полдюжины шампанского в кабаре „Забубенная Головушка“, где служил, сидевший рядом с японцем, озлобленный актер, Семенов Второй (отпускавший себе эспаньелку и баки, чтобы окончательно порвать все связи с Россией).

Он неожиданно и громко похвалил, обедавшего за тем же столом, писателя Картошина: — „Вся эмиграция очарована вашим чудным, русским языком, господин Картошин“. (Это вогнало Картошина в густую краску, потупившись, он принялся наливать себе пива, у него покраснела даже рука).

Он обратился бы, так же, и к другим пансионерам фрау Штуле если бы не дальность стола. Он говорил по немецки и по русски. Засопев, обгрыз и закурил сигару в два пальца толщины. Он был брит, совершенно лыс и подвижен. Его звали Адольф Задер.

После обеда часть общества перешла в уютный уголок, отделенный аркою от столовой. Там, за кофе и ликером, Адольф Задер рассказал Анне Осиповне Зайцевой и дочери ее, Соне, свою первую автобиографию.

— Я родился в лучшей семье в городе Кюстрине, — так начал Адольф Задер, плотно глядя на Сонины плечи, — мои почтенные родители пророчили меня к комерческой деятельности. Но я был озорной парнишка. Младший сын герцога Гессенского был мой ближайший друг.

Однажды я говорю: „Папа и мама, я хочу ехать в Мюнхен, хочу сделаться знаменитым художником“. Папа был умный человек, он видит, — я, как дикий конь, грызу удила, он сказал: „Ну, что же, Адольф, поезжай в Мюнхен“.